

«Я могу обеспечить Алефу прочные позиции и дворянское потомство, а ты – подарить благословение Акарны».

«...»

«Ты мне нравишься. Я думаю, мы подружмся. Могу я просто немного укрепиться в иерархии власти?»

Это прозвучало как комплимент. Её смех символизировал скорее благосклонное отношение, нежели пассивно-агрессивный выпад в сторону своего врага.

Но сердце Дживу наполнял холод. В тот летний день он страстно целовал её, что казалось, температура достигла своего апогея, но теперь всё остыло.

Человек, звавший его Алефом.

Дживо всё также называла его «Ваше Высочество».

«Вы называете Его Высочество по имени».

«Ох, дорогая. Конечно. Мы ведь помолвлены».

«...»

«И не важно, что ты Акарна, твоё положение сравнимо с простолюдинкой».

Именно такие устои царили на имперской земле.

Хоть она и несла благословение как Акарна, ей никогда не платили за это, она оставалась лишь слугой Империи, даже не почётной слугой Бога. Она терпела это всё с надеждой, что всё изменится из-за наследного принца. Всё было ради её возлюбленного.

Но, видимо, она одна придерживалась такого мнения.

Не интересуясь тем, что крутится в мыслях Дживу, женщина продолжала рассказывать о себе.

«Ты не представляешь, скольким я пожертвовала ради него. В том числе, стерпела новость о твоём существовании».

«...»

Всё повторялось, это был замкнутый круг, а Дживу продолжала молчать, но женщину это не волновало.

Этот любовный треугольник был лакомым объектом для сплетен.

Страстный влюблённый наследный принц, который не отказался от своей избранницы, даже учитывая бесплодность Акарны, которая могла повлиять на его статус и восприятие местных. Его искренняя порядочная невеста, не сомневающаяся в нём. И Дживу, которая стала препятствием для прекрасного сияющего будущего кронпринца.

Так? Так со стороны это выглядит? Серьёзно?

Она – единственная дуручка, которая беспокоится об этих вещах?

Она была готова отпустить прошлое во имя любви, жить настоящим, и выдерживать все преграды, строя будущее с избранником.

Но кронпринц Алеф был не таким. Любовь его была просчитана с самого начала. Не было ни единого момента, когда любовь могла помешать осуществлению его целей и занять для него первое место. Пытался ли наследный принц сохранить эти отношения, пока они не являлись препятствием для его блистательного будущего?

Он сдался?

Он никогда не отступал. Он делал всё для того, чтобы в глазах людей его репутация была безупречной.

Создавалось ощущение, что её любовь выбросили и затоптали. Она была идиоткой, которой Алеф позволял его любить. Ей казалось, она стерпит всё, забудет о прошлом, пока рядом с ней он. Лучше было бы оставить всё и начать сначала.

‘Я люблю тебя’.

Смущённое признание Алефа промелькнуло в её голове.

Всё же он, наверное, любил её. Просто он был не тем человеком, который мог отказаться от чего-то ценного ради любви. Любовь Дживу, видимо, не была настолько важна для него, чтобы он ставил её в приоритет.

Да. Всё так. Надо так и делать. Мыслить рационально, да. Он был членом императорской семьи, а она – Акарной, которую можно было заменить в любой момент.

Она часто посещала опасные территории, из-за чего постоянно рисковала жизнью.

Она не могла родить ему наследника. Кронпринц ни в чём не виноват.

Но он всё равно не отказывался от неё, просто аккуратно указал ей её место. Разве это не было разумным?

Но что делать ей? Никто не спросил, чего хочет она и что чувствует. Они говорили, что это для неё честь, и это было их мнение, которое она должна была принять.

Она сжала зубы. Тело её содрогалось.

«Это не может быть единственным путём».

«Хм? Другой путь? Ох, хахаха. Нет-нет».

Ветерок веера мягко пронёсся мимо. Она увидела за аксессуаром жалостливый взгляд. Женщина будто смеялась над её наивностью.

«Ты же не думал, что Алеф откажется от моего предложения и выберет тебя, так ведь?»

Тысячи слов крутились у неё в голове, но лишь одно слетело с губ.

«Ха».

Она прекрасно помнила ощущение, которое она испытала в тот день.

Она была здесь чужой.

Кап, кап, кап.

Холодные капли воды стекали по её лбу и застилали глаза. Внезапно в глаза ударил свет, и взгляд замылился. Спустя долгое время первым, что она увидела, было корни огромного дерева, с которых стекала вода.

Она всё ещё здесь? Дживу спешно поднялась.

«Уф... Ах».

Голова кружилась. Всё тело лихорадило. Она была не в себе, будто прошлой ночью выпила много снотворного и вдруг неожиданно проснулась.

На удивление, хоть она и пролежала здесь долгое время, тело было тёплым. Дживу была обмотана в толстую ткань.

Неподалёку горел костёр.

‘Я порезала руку ножом...’

Дживу взглянула на ладонь, бережно обтянутую белым чистым обрезком.

Болело лишь опухшее место, а ткань была пропитана кровью. Дживу небрежно коснулась ладони.

«Уф...»

Открытая рана щипала. Никто из сопровождающих за ней так и не пришёл.

Мужчина другой расы, которого она очистила от миазмы... Она для него практически ничего не сделала, так что навряд ли его заботило её состояние, и конечно он бы не повёз её в соседнюю деревню. Но всё же где-то рядом горел огонь.

Кап, кап.

‘Какая же жизнь тяжёлая’.

Она, как Акарна, осознала кое-что после траты стольких усилий на благо людей. Либо люди умирали на удивление легко, либо умирали на удивление тяжело.

Она, должно быть, сейчас была близка ко второму.

«Хоо...»

Она издала стон.

Чёртово тело вновь замёрзло, потому тёплое пламя было на руку. Когда она потянулась к огню чтобы согреться, Дживу размышляла о недостижимых вещах.

‘Когда придёт команда спасателей, они заберут меня отсюда’.

Импульсивная попытка смерти вызывала ещё больший страх перед вечным концом. Она испытывала жуткую боль несколько раз, возвращаясь к жизни, и она не хотела ещё раз проходить через это.

Даже если здесь с ней обращались как с чужой, у неё не было выбора. Не было пути домой.

Просто потому, что она не могла принять это, или потому, что она безрассудно бросила кронпринца, ей было некуда идти. Храм не примет её, и принц, скорее всего, тоже.

Никакой мотивации жить у Дживу не было. В тот момент у входа послышался шорох.

Дживу подняла голову. И увидела его.

Первое, что она заметила, яркие волосы. Серебристый цвет с лёгким оттенком незабудки. На свете солнца они были гораздо светлее, чем во тьме.

И основное отличие – уши – зацепили её внимание. Она не была в этом уверена, так как смотрела на него снизу-вверх, но, казалось, одно ухо была напололам отрезано. Асимметрия была наиболее заметной по сравнению со вторым, очень длинным ухом.

Он, в отличие от Дживу, уже бодрствовал. После секунды замешательства, он приблизился, будто приняв какое-то решение.

Они уставились друг на друга.

«...»

«...»

Воцарилась тишина. Мужчина развернул кулёк ткани.

Она увидела свежесобранные ягоды, грибы и травы. Затем он положил очищенные от кожи куски мяса на костер.

Вскоре почувствовался приятный запах. Запах свежеприготовленного мяса и сочных фруктов, похожих на яблоки, был заманчив, но есть ей не хотелось от слова совсем.

Спустя некоторое время мужчина заговорил,

[Незнакомка.]

«...»

Она знала, что представители этой расы достаточно закрытые люди, потому просто слушала его. Впервые Дживу встретилась с одним из них.

Язык его тоже был странным. Это не официальный язык, на котором говорят имперцы. Она вспомнила первый свой вздох в этом странном мире. Первый раз, когда она услышала незнакомый ей язык. Она понимала его, но говорить на нём не могла.

Незнакомка. Ну, они оба друг с другом не знакомы.

Когда Дживу улыбнулась и кивнула мужчине, он осознал, что она его поняла, и протянул ей ягоды. Это были красноватые фрукты, которых она давно не встречала.

[Возьми. Ты не голодна?]

Дживу покачала головой, отказываясь от еды, и он первым попробовал ягоду.

[Они не ядовиты. Бери.]

«...»

Хоть Дживу не взяла еду, он не сдавался и продолжил говорить.

[А, может ты хочешь пить?]

Она потеряла много крови, потому протянутая ей сумка с водой была как нельзя кстати. Кожаный мешочек, пропитанный жидкостью, был холодным, потому она подумала, что вода может иметь горький привкус, но, на удивление, она обладала приятным оттенком мяты.

[Покажи мне рану.]

После того, как он убедился, что Дживу попила воды, он положил её ладонь в свою и снял пропитанную кровью ткань.

Опухлость практически сошла. Это была та же самая рана, которую она получила вследствие размахов этого мужчины кинжалом, и которую Дживу вскрыла сама. Но не он ли атаковал её первым?

Дживу нервно отдернула руку. Он спешно заговорил,

[Прости, что ранил тебя.]

«...»

[Ты не можешь говорить?]

Дживу, которая до конца не хотела общаться с ним, всё же сдалась и подала голос.

«Я могу разговаривать лишь на имперском языке».

В ответ он заговорил на том же языке.

«Хорошо».

У него не было акцента, с которым она зачастую сталкивалась, но это точно был имперский язык.

«...Я не уверен, что говорю правильно. Я впервые разговариваю с человеком».

<http://erolate.org/book/1663/201217>